

Искусство у порога иного мира

В статье рассматривается небольшой и очень своеобразный комплекс изображений (предположительно сарматских/аланских, около рубежа н. э.) при входе в полузаброшенный тогда каменный храм Байте III, построенный тремя веками ранее у края пустынного плато Устюрт и связанный с почитанием предков. Гравированные поздними посетителями композиции, на наш взгляд, хорошо объясняются из архаичной языческой алаано-осетинской традиции (посвящение коня умершему; поминальное знамя; две подготовленные к дальней поездке повозки и два умерших рядом; змея с оживляющей «бусиной счастья»; всадник, собирающийся войти в лабиринт; вероятная сцена «волшебной охоты» лучника).

Ключевые слова: искусство ранних ираноязычных кочевников, поминальный храм предков, Байте III, ритуальные граффити, сюжеты, сарматы, религия алаано-осетин, рубеж н. э., плато Устюрт, Западный Казахстан.

В этой статье речь пойдет не о том высоком искусстве талантливых профессионалов, которое восхищает нас и подчас побуждает к благородным поступкам. Памятник искусства, который анализируется ниже, – примитивные граффити, созданные наспех обычными людьми, торопившимися по своим делам, небрежными движениями лезвия ножа в пустыне, в одном из самых глухих районов нашей планеты. Однако они были для культуры своих создателей не менее значимыми: они выполняли функцию контакта с миром умерших, позволяли осуществиться силе магии, способствовали *правильному* завершению ритуалов. Итак, наша тема – одно из проявлений искусства ранних ираноязычных кочевников степного/пустынного пояса Евразии, очень интересный, *уникальный* его

аспект – граффити на стенах храмов (точнее – конкретного храма). Дело в том, что прочных и сколько-нибудь крупных каменных храмов степные и пустынные номады античной эпохи не строили. Своеобразными аналогиями храмов земледельческих культур у них были *природные объекты* – почитаемые пещеры и гроты, отдельные скалы и валуны среди равнины, холмы рядом с сезонными стоянками (расположенные «ближе к небу»). У подножья холмов подчас размещали мини-святилища бога войны, которому приносили в дар клинковое оружие¹. В таких сакральных местах изредка высекали и изображения животных, родовые эмблемы-тамги². Редкие исключения относятся к небольшим сооружениям для поминовения предков, включавшимся в состав родовых курганных некрополей (чаще расположенных на их окраинах и имевших земляные насыпи). В тех регионах, где для сооружения курганов знати использовался не столько грунт, сколько камень, на внешней ограде «царских» курганов мы также подчас видим скопление фигуративных изображений (люди и птицы) и тамги³.

Удивительным исключением из этого правила для конца скифо-сакской эпохи (IV–III вв. до н. э.) является *серия небольших, круглых в плане, купольных каменных храмов*, размещенных в суровых и всегда малозаселенных пустынях Западного Казахстана на протяжении примерно 300 км вдоль северного края обширного плато Устюрт. Они являлись в каждом случае центром святилища, включавшего также ряды статуй умерших знатных воинов, каменные алтарики, специальные оградки для поминок и др. Сегодня есть ряд аргументов в пользу того, что *они были посвящены культу значимых предков*, то есть *имели поминальный характер*⁴. Среди этой серии храмов заметно выделяется один, на северо-западном выступе Устюрта, названный по колодцу в соседнем овраге *Байте III* и раскопанный в 1998 г. На наружной, тщательно изготовленной каменной облицовке у единственного входа (во внутренний миниатюрный мощеный дворик в виде мальтийского креста попадали по приставной лестнице со второго этажа), слева на нескольких плитах была гравирована тонкими лезвиями различных сюжетных композиций, представляющая загадку для исследователей. К сожалению, материал этого замечательного памятника остается почти полностью неопубликованным⁵. Храм в Байте диаметром 19 м, высотой не менее 7 м и толщиной стен 4,5 м был дважды сильно поврежден очень мощными землетрясениями (вскоре после его сооружения в III–II вв. до н. э. и в позднем Средневековье – в XIV–XV вв.)⁶, после чего его руины были окончательно заброшены. Однако сегодня есть основания ду-

мать, что после первого землетрясения стены и дворик в основном устояли, и храм вскоре стал вновь использоваться на рубеже н. э., но кочевниками другой культурной традиции. Здесь найдены следы небольшого ремонта, скромные приношения этого времени, на стенах представлены скопления не менее 80 знаков-тамг (из общего числа не менее 259 экз. 273 типов), имеющих аналогии именно у европейских кочевников-сарматов начала I – середины III в. н. э. В это время здесь проходил торговый путь из Южного Урала в Хорезмский оазис, которым, видимо, пользовались сарматские (а также хорезмские и кангюйские) торговцы и их проводники⁷. Именно к этому, второму периоду частичного функционирования храма я склонен отнести и сюжетные граффити: их стилистика и состав сюжетов не имеют близких аналогов в скифо-сакское время постройки здания, но известны (хотя и частично) в сюнну-сарматскую эпоху. Замечу, что каменные поминальные сооружения предшествовавшего времени, относящиеся к другой культуре, использовались сарматами для нанесения изображений животных и тамг и в Северном Причерноморье⁸.

Ниже рассматриваются сюжетные изображения, которые концентрировались снаружи у входа в храм, слева от него (они включают и несколько клановых тамг). Почти все они остаются неопубликованными, и их издание мне еще предстоит⁹. Этот участок стены рухнул наружу (видимо – после второго большого средневекового землетрясения); увы, археологи при раскопках никак не фиксировали взаимное положение рядов упавших блоков с изображениями. Чаще всего (как это было и на стенах дворика) на каждой из крупных прямоугольных плит облицовки здесь, видимо, помещали законченную группу гравировок. На пяти плитах были *геометрические композиции* (узкие продольные, реже – поперечные полосы, заполненные внутри рядом косых линий или зигзага, или прямой или косой сеточкой) (рис. 3, 1–3). Сходные орнаментальные композиции мы видим и в Центральном Крыму, где на рубеже II–III вв. оседали сарматы¹⁰. Обереговые функции композиций с шахматным или сетчатым узором еще недавно были ощутимы в обрядности иранских народов¹¹.

Однако наибольший интерес представляют другие сюжетные граффити: образы и композиции части из них удивительны для кочевого искусства и быта, особенно в зоне пустынь. В их числе: 1) безоружный всадник с опущенным знаменем в руках (рядом с ним – тамга) и пеший по сторонам *лабиринта*; всадник как будто собирается въехать в лабиринт, т. к. повернут к входу в него, а пеший ожидает позади сооружения, раскинув руки (рис. 1, 1);

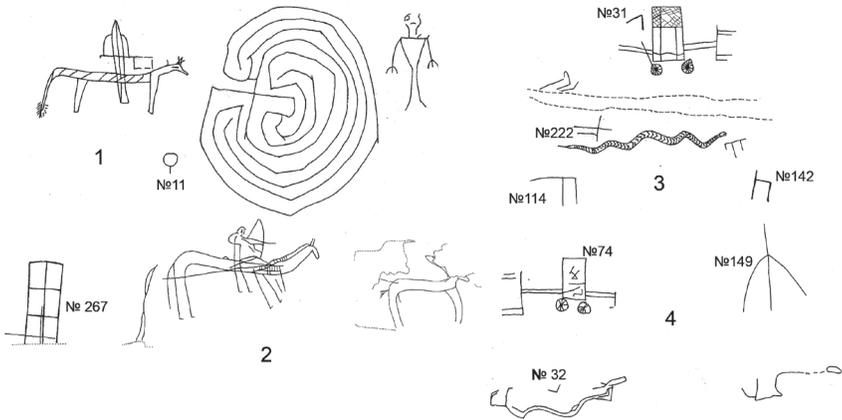

Рис. 1

2) всадник-лучник (рядом с ним – тамга), натягивающий тетиву; видимо, справа к этой плите примыкала другая, на которой изображен горный козел, в бедро которого воткнулась стрела (рис. 1, 2); 3) повозка-кибитка (также помеченная слева тамгой), рядом – упавший умерший (сохранились его ноги), ниже (на прилегающей плите) – ползущая змея и 3–4 тамги (рис. 1, 3); 4) другая подобная повозка с поставленными горизонтально оглоблями, помеченная тамгой внутри ее, внизу – две схематичные фигурки падающих убитых людей, каждая из которых сопровождается тамгой (рис. 1, 4); 5) конь, за ним – воткнутое вертикально знамя, над ним – тамга хозяина и мелкая рыба (рис. 2, 1); 6) бегущий олень, перед которым плывет рыба (рис. 2, 3); 7) стилизованная крупная рыба с хищно разинутой пастью (рис. 2, 4); среди 120 видов «аборигенных» видов рыб Каспийского моря это могут быть каспийский лосось, белорыбица или даже налим; 8) крупная рыба, догоняющая мелкую (щука *Esox lucius*? и окунь *Perca fluviatilis*?) (рис. 2, 5)¹²; 9) необычная крупная фигура рыбы, размещенной вертикально на трех смежных плитах (сохранилась центральная часть: рис. 2, 6).

Все основные персонажи (включая помеченные хозяйскими знаками-тамгами) здесь *движутся или повернуты вправо* (в сторону входа в храм). Наиболее детально и реалистично (с чешуей, плавниками) здесь изображены существа, которых в представлениях того времени связывали с водой и нижним миром (рыбы и змея). Дикие копытные (козел и олень) показаны в движении и выглядят

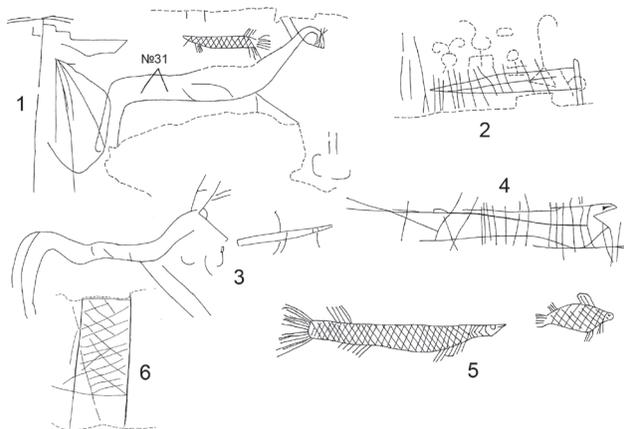

Рис. 2

достаточно упитанно, рога их укорочены. У коней очень удлиненные крупы и зауженная вверху шея. У коней с всадниками (рис. 1, 1–2) нет ни седла, ни узды, при этом хозяева сидят на них «по-женски» (ноги по одну сторону крупы; такая посадка, впрочем, была распространена у кочевников разных эпох). Конь, стоящий без хозяина, взнуздан, но уздечка словно висит с неба. Особенно подчеркнуто убранство коня у хозяина, собирающегося въехать в лабиринт: челка на лбу заплетена в форме «короны», на хвост надет особый чехол, на конце хвоста – серия мелких косичек. В целом кони детализированы более, нежели их хозяева, и это было вполне обычно для традиционного сознания мужчин-воинов в кочевой Степи до недавних пор¹³.

На первый взгляд, подобный перечень сюжетов (как и отдельные мотивы изображений) представляет собой сегодня *неразрешимый ребус* для специалистов. Отчего здесь, в краю, где нет ни одной пресной реки, а море сегодня плещется весьма далеко от этих мест, так часто гравировались рыбы разных видов (которых кочевники обычно не слишком жаловали как пищу) и почему они часто как бы плавают среди копытных? Тот же вопрос может касаться и одиночной ползущей змеи (их в окрестной пустыне, напротив, много, но им номады в своем искусстве очень редко уделяли внимание). Странно выглядит и «классический» лабиринт, практически неизвестный в искусстве ранних кочевников Евразии. Для чего здесь нужно стоящее вертикально знамя (при этом без хозяина, но с конем), как и знамя в руках у въезжающего в лабиринт всадника?

Однако я настроен оптимистично относительно выявления логики этих сюжетов и самого их набора. Учитывая сармато-аланский характер значительной части личных тамг поздних посетителей храма, мы можем вполне уверенно использовать для реконструкции круга сюжетов представления о смерти, погребальной и поминальной обрядности и посмертном существовании, которые сохранялись еще на рубеже XIX–XX вв. в архаичной алано-осетинской языческой традиции в Центральном Предкавказье. Во многих случаях надежно установлена прямая преемственность погребально-поминальной обрядности за две тысячи лет от сарматов к языческим осетинам¹⁴.

Прежде всего, две изображенных *повозки* здесь, в предполагаемом месте почитания предков, ассоциировались, вероятно, с доставкой умерших в иной мир, как это было характерно и для греко-сарматских могил боспорского Пантикапея (там сами хранилища пепла умерших во II–III вв. были подчас оформлены как скульптурные изображения сарматских кибиток); см. также ее изображение на надгробии из сильно сарматизованного Танаиса того же времени¹⁵. В нашем случае такая повозка каждый раз сопровождается фигурой лежащих 1–2 умерших. *Стоящий конь*, помеченный тамгой, с уздечкой, но без седла, рядом с воткнутым знаменем, также хорошо вписывается в соответствующие алано-осетинские ритуалы. Думается, речь идет о знаменитом символическом обряде посвящения коня покойному «бахфалдесун»¹⁶. То, что уздечка коня натянута откуда-то сверху, от невидимого нам хозяина, тоже, возможно, связано с этим ритуалом. Воткнутое рядом с конем *знамя*, видимо, является не менее знаменитым поминальным знаменем «сау тырыса» (его помещение, наряду со свадебным, в погребения зафиксировано нами в «царском» кургане I в. н. э. Дачи у г. Азова)¹⁷. Его же, думается, мы видим в руках въезжающего в лабиринт всадника. Миниатюрное изображение похожего знамени есть и среди гравировок посетителей во внутреннем дворе храма на участке 1 (оно частично перекрыто более поздними тамгами) (рис. 2, 2). Изображение рядом с погребальной повозкой *ползущей змеи*, вероятно, связано с одним из самых популярных в алано-осетинском языке представлений о том, что только змеи умеют находить падающую, якобы, изредка с неба волшебную «бусину счастья», которая умеет оживлять (в том числе и на время) умершего в могиле. Человеку остается лишь отнять такую бусину (которая после своего волшебного применения бесследно исчезает)¹⁸. Интересно, что единственное изображение змеи (рис. 1, 3) имеет по краям (со стороны головы и хвоста) по две тамги (правая из них

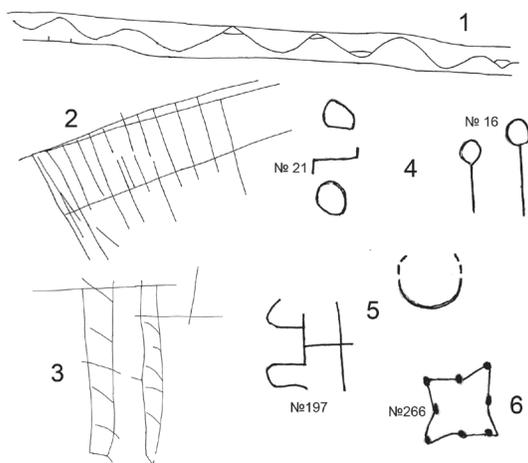

Рис. 3

плохо читается, но остальные три встречены *и в других* частях храма, то есть знаки нанесены неоднократно посетителями). Относительно *охоты лучника на копытное* (в т. ч. в степи) вспомним, что в алано-осетинском эпосе это – один основных способов попадания героя в иной мир (чаще – подводный)¹⁹.

Наличие большого числа образов разных *рыб* (универсальных маркеров нижнего мира во многих культурах) в нашем случае объяснить, на первый взгляд, просто. Ведь до заметного усыхания Каспия в 1950 г. святилище Байте располагалась всего в 25 км от моря, у залива Кайдак. Кроме того, еще на рубеже XIX–XX вв. этнографы отмечали необычно большую роль рыбного рациона именно у тех кочевых групп, чьи зимники находились вдоль восточного пустынного берега Каспия²⁰. Мне представляется важным и тот факт, что в архаичном праздничном языческом календаре осетин важный праздник водных божеств «Доныскъæфæн» традиционно был увязан и шел непосредственно перед еще более важным днем всеобщего поминовения мертвых «Мæрдты бадæн»²¹. Образы рыб еще в скифское время широко бытовали на металлических изделиях соседнего Южного Зауралья, часть из которых имела не бытовое значение (особые сосуды и др.)²². У входа в байтинский храм рыбы представлены только в двух, достаточно своеобразных, ипостасях. Во-первых, когда копытное (олень или конь) почему-то сопровождается плывущей перед ними или выше их небольшой рыбой

(скорее всего это символизирует преодоление водной преграды, но какой? ведь рек в регионе нет, а в море копытные не плавают) (рис. 2, 1, 3). Во-вторых, рыбы представлены как поглощающие существа, убийцы. Это огромная рыба с широко разинутой пастью (рис. 2, 4)²³ или также крупная рыба, преследующая мелкую (рис. 2, 5). Таким же монстром, видимо, выглядела крупная рыба, представленная вертикально (для ее изображения пришлось использовать три смежные плиты) (рис. 2, 6).

Что касается изображения *лабиринта* (традиционно связываемого с попаданием в иной мир), то единственное для ранних кочевников Евразии его изображение встречено... у тех же сарматов, причем поблизости (к северу) от края Устюрта – на скале в местности Телебулак, у р. Жем (дальнего южного притока р. Урал)²⁴. Лабиринты такой формы позже известны у средневековых аланов в IX–X вв. (петроглифы практически лишенного жилых комплексов нижнего Кяфарского городища) и встречаются в искусстве потомков сармато-аланов – осетин до XIX в.²⁵ В лабиринте скрывается выходец из нижнего мира Сырдон в осетинском эпосе...

У входа в храм была обнаружена серия из 16 *знаков-тамг* 13 типов (принадлежавших разным кланам посетителей). Часть из них не сопровождала сюжетные композиции, а располагалась отдельно, на особых плитах (рис. 3, 4–6). Создается впечатление, что каждая «наиболее ответственная» сюжетная композиция ухода в храм (с включением людей или знамен) была создана представителями определенного клана/семьи и *обязательно* помещалась клановой тамгой (это необычно для сюнну-сарматской эпохи кочевого мира). Так, все сцены с антропоморфными персонажами сопровождаются, как минимум, одной родовой эмблемой-тамгой, в одних случаях находится слева от основного объекта, в других (на предполагаемых изображениях умерших) – над и под их фигурами.

Сами типы тамг и их размещение здесь тоже довольно информативны. Прежде всего, знак № 11 известен из многочисленных скоплений на территории храма только здесь, у входа. Он представлен не только у фигуры въезжающего в лабиринт (рис. 1, 1), но и дважды на отдельной плите (рис. 3, 4) как маркер участия двух представителей того же клана в важном ритуале; скорее всего, эти знаки имеют прямое отношение к сцене с лабиринтом и гравированы для поминовения одного и того же человека. Не менее интересен для нас знак № 31 (“А”), который маркирует здесь две важные сцены – с одной из повозок и коня со знаменем (рис. 1, 3; 2, 1). Этот знак встречен еще раз, но вне храма – на одной из стоявших

дугой 35 каменных статуй воинов. Третья любопытная для нас тамга № 142 (“h”) изображена в композиции с упомянутой повозкой и вторично также представлена на статуе воина (его изваяние – единственное, оказавшееся *внутри* храмового двора, видимо, при сооружении впускного погребения знатного воина, вскоре ограбленного; она найдена в грабительском лазе).

Итак, мы можем с высокой долей вероятности утверждать, что небольшое скопление поздних (около рубежа н. э.) изображений у внешнего входа в кочевнический храм Байте III отражало (в соответствии и с первоначальным назначением всего святилища) комплекс сармато-аланских представлений о погребально-поминальной обрядности (посвящение коня умершему; особое поминальное знамя; две подготовленные к дальней поездке повозки и один-два умерших рядом; змея с вероятной оживляющей «бусиной счастья»; всадник, собирающийся въехать в лабиринт; вероятная сцена «волшебной охоты» лучника). Эти изображения сделаны разными посетителями и с разной степенью мастерства и реализма, они не образовывали единой продуманной композиции. Вместе с тем специфические, неоднократно повторяющиеся общие черты в оформлении сходных животных (водных, лошадей, диких копытных), «движение» всех персонажей вправо – к входу в храм и другие детали – говорят нам о едином круге представлений, отразившихся в происходивших здесь ритуалах, которым руководствовались сарматские посетители.

Примечания

- ¹ *Савельев Н.С.* Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных находок») // К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241–252.
- ² См., например, *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959. № 43. С. 57–58; *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. Рис. 12–13.
- ³ *Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.* Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2003. Табл. 2–64.
- ⁴ См. из последних публикаций: *Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г.* Храм-святилище Кызылуийк. Астана: ТОО «Археология», 2011.

- ⁵ См, прежде всего, рукопись: *Ольховский В.С.* Отчет о работе Устюртского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии Министерства науки и высшего образования РК в 1998 году // Архив Мангистауского государственного историко-культурного заповедника. Актау. № КП-561/1.
- ⁶ *Никонов А.А., Ольховский В.С.* О признаках разрушительных сейсмических воздействий на археологических памятниках Западного Устюрта // Археология, полеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 50–54.
- ⁷ *Яценко С.А.* Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н. э. – середины III в. н. э. // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической студентов и аспирантов. Ростов-н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 266–267; *Яценко С.А.* Знаки ранних кочевников плато Устюрт // Семейные, клановые и племенные эмблемы в контексте культуры древней и средневековой Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ ЮНЕСКО, 2018 (в печати).
- ⁸ См, например: *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки... № 52а.
- ⁹ Данная работа стала возможна благодаря помощи А.Е. Астафьева (г. Актау), сделавшего серию качественных цветных фото этих плит в 2007 г., когда сам храм уже был вновь засыпан «для сохранности» (в 2000 г.), но все отдельные плиты с гравировками, упавшие со стен после второго (?) землетрясения, не засыпались, а были доступны обозрению. Эти фото были любезно предоставлены в августе 2017 г.
- ¹⁰ Ср.: *Попова Е.А.* О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // Вестник древней истории. 1984. № 1. С. 129–145. Рис. на с. 130.
- ¹¹ *Яценко С.А.* Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н. э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 42–43.
- ¹² По мнению раскопщика Байте III В.С. Ольховского, это щука и карась, см.: *Ольховский В.С.* Отчет о работе... С. 30.
- ¹³ См., например: *Липец Р.С.* Образ батыра и его коня в тюркско-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. С. 124–241.
- ¹⁴ См., например: *Яценко С.А.* Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. № 3. С. 67–74.
- ¹⁵ *Яценко С.А.* Изображения аланских кочевых кибиток в погребальном ритуале боспорских городов I–III вв. н. э. // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. М.: Ин-т археологии РАН. Рис. 1–2. То же относится и к реальной, но более древней повозке, помещенной в курган 5 Пазырыка в российском Алтае, IV–III вв. до н. э. См.: *Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А.* Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-4 в верховьях ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы: Ин-т археологии им А.Х. Маргулана, 2016. С. 638. Рис. 4.

- ¹⁶ *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. 1 // Уч. Записки МГУ. Отдел историко-филологический. 1881. Вып. 1. М. С. 132–133.
- ¹⁷ *Yatsenko S.A.* Archaeological Complex with Extremely Early Banners Found in the Territory of the Former USSR (End of the I and Beginning of II Centuries AD) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2001. Vol. 7 (1). P. 45–54.
- ¹⁸ См., например: *Яценко С.А.* Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности // *Новое прошлое*. 2016. № 4. С. 41.
- ¹⁹ См. сюжеты «волшебной охоты» Ахсартага или Сослана на копытное, которое оказывается богиней, увлекающей героя в иной мир: *Яценко С.А.* О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // *Проблемы этнографии осетин*. 1992. Вып. 2. С. 77.
- ²⁰ См.: *Карутиц Р.* Среди киргизов и турменов на Мангышлаке. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриен, 1911.
- ²¹ См.: *Уарзиаты В.С.* Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 45–46. Замечу, что в наиболее архаичных пластах осетинского нартского эпоса многие главные герои живут или путешествуют на дне моря; они сами отчасти – потомки подводного царя; у осетин, веками замкнутых в высоких горах, парадоксально сохранились особые термины для таких морских животных, как дельфин и т. п. См.: *Дзицойты Ю.А.* Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. С. 134–137.
- ²² *Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.) СПб., 2006. С. 37. Табл. 1.
- ²³ Интересно, что эта рыба-монстр сплошь заштрихована («убита»?) поперечными вертикальными полосами, подобно знамени на участке 1 стен дворика (перед тем, как поверх него стали наносить более поздние тамги люди иной культуры) (рис. 2, 2, 4).
- ²⁴ *Самашев З.С.* Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. Рис. на с. 117.
- ²⁵ См., например: *Аржанцева И.А., Албегова З.Х.* Культовые камни Кяфарского городища // *Древности Северного Кавказа*. М.: Наука, 1999. С. 183–200; *Тменов В.Х.* Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: СОИГИ, 2005. Рис. 76, 3.